

Леонтьева Т. В. Образные репрезентанты надежности и ненадежности в русской фразеологии / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 34–48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-34-48.

Leontyeva, T. V. (2018). Imagery Representatives of Reliability and Unreliability in Russian Phraseology. *Nauchnyy dialog*, 8: 34-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-34-48. (In Russ.).

УДК 811.161.1:371:17.022.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-34-48

Образные репрезентанты надежности и ненадежности в русской фразеологии¹

© Леонтьева Татьяна Валерьевна (2018), orcid.org/0000-0002-7213-1582, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, ведущий научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), leotany@mail.ru.

Анализируются фразеологические обороты, характеризующие надежного и ненадежного человека. Материал отбирался по критерию присутствия в дефиниции или в контекстном окружении слов *надежный* или *ненадежный* и родственных им слов. Представлена методика выявления мотивационных признаков разных уровней согласно критерию различной степени отвлеченности от образного воплощения: частных мотивов, сквозных мотивов и мотивационных доминант. На основе мотивационного анализа фразеологического материала составлены портреты-метаописания, которые включают в себя сквозные мотивы: надежный — это тот, кому можно делегировать чужие трудности; кто способен защитить; кто способен действовать для другого; кто принадлежит кругу своих; ненадежный — это тот, кому нельзя делегировать чужие трудности; кто переменчив; кто не способен действовать для другого (сотрудничать); кто двойствен (двуличен); кто не способен защитить; кто предает. Автор считает, что слова *надежный* и *ненадежный* можно рассматривать как интерпретативы в том смысле, в каком трактует Ю. Д. Апресян глаголы *вредить*, *грешить*, *злоупотреблять*, *карать*, *обелять*, *поддерживать* и др. Проводится мысль о том, что выявленные сквозные мотивы в данном случае объективируют то содержание понятий «надежный» и «ненадежный», которое скрыто за дефиниционной семантикой «тот, на кого можно положиться».

Ключевые слова: семантика; этнолингвистика; ономазиологический анализ; мотивационный признак; частный мотив; сквозной мотив; мотивационная доминанта; надежный; ненадежный.

1 Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

1. Вводные замечания

Представленные в толковом словаре дефиниции лексем *надёжный* и *ненадёжный* дают основания утверждать, что надежность — это абстракция, этическое понятие со сложной структурой, и развернутые, «конкретизированные» определения надежности, данные разными людьми, вряд ли бы совпали: литер. *надёжный* ‘такой, на которого можно положиться, внушающий полное доверие’ (*Зовет он слуг надежных, Своих проворных сердюков*. Пушкин, Полтава. *Рассказывают за достоверное, — что приготовлены были надежные войска, чтобы раскассировать палату*. Салтыков-Щедрин, За рубежом. — *Сдай дела надежному товарищу. Завтра выедешь со мною в город*. Гладков, Цемент) [СлРЯ, т. 2, с. 343]; литер. *ненадёжный* ‘такой, на которого нельзя положиться, такой, кому или чему нельзя верить, доверять’ (*Да и возница ненадежный*. Чехов, Пересолил) [СлРЯ, т. 2, с. 456].

Дело в том, что конкретизированное, фактическое содержание характеристик и поступков человека, называемого, например, *надежным*, может мыслиться различно: он выполняет обещания, он помогает, он не бросает в беде, он защищает, он не обманывает и др. Выявить спектр таких действий можно на основе анализа контекстов. *Надежным* можно назвать человека на основании любой из этих частных характеристик его поведения (необязательно по их совокупности), квалифицируя его поступки как дающие основание к тому, чтобы доверять ему, полагаться на него в отношениях, делать что-либо вместе с ним, то есть *надеяться* на него. Аналогично, по противоположности, можно описать и семантику *ненадежного*.

Иначе говоря, слова *надежный* и *ненадежный* можно рассматривать как интерпретативы приблизительно в том смысле, в каком трактует Ю. Д. Апресян некоторые глаголы. По его мнению, интерпретационные глаголы и глагольные выражения (*вредить, грешить, злоупотреблять, карать, обелять, поддерживать, противодействовать, поступать неправильно* и др.) таковы, что они «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян, 2009, с. 177].

Служа обозначением человека по его поступкам или качествам личности, слово *надежный* является выразителем точки зрения номинатора, отражает восприятие им свойств номинируемого субъекта. Интегральную оценку поведения и морально-нравственных качеств человека несет сообщение номинатора о готовности положиться на человека, получающего такую характеристику: *надежный* = «ОН ведет себя так, что Я и ДРУГИЕ можем надеяться, положиться на НЕГО», или: «Я считаю его надежным, потому что ОН ведет себя определенным образом». В сущности, модель «я

считаю его таким, потому что он совершает определенные поступки» — общая для описания репутационных понятий.

Итак, надежность осмысливается как абстракция из сферы личностных ресурсов человека, как свойство личности, проявляющееся в поступках человека, его поведении и имеющее следствием определенное отношение к нему окружающих.

Среди обозначений надежного и ненадежного человека есть немало фразеологических и паремиологических единиц, которые представляют интерес в аспекте принципов номинации. Нас интересовала система образов, запечатленных в буквальной основе фразеологизмов, поскольку устойчивые обороты речи часто сохраняют живые, нестертые образы.

Если обратиться только к материалам русского литературного языка, то ассортимент образов будет невелик: *как за каменной стеной (быть, находиться и т. п.)* ‘под надежной защитой, имея надежную опору’ [СлРЯ, т. 4, с. 260], *правая рука* ‘первый и самый надежный помощник’ [СОВРЯ, с. 42], разг. *в разведку не пойдешь / не пошел бы* (неодобр.) ‘о ненадежном человеке’ [БСРПоговорок, с. 554] и некоторые другие. Однако предсказуемо разнообразнее метафорика нелитературных языковых фактов, прежде всего — диалектных номинаций.

Материал отбирался по критерию присутствия в дефиниции или в контекстном окружении слов *надежный* или *ненадежный* и родственных им слов: *переметная сума* ‘о человеке, непостоянный, кидющийся туда и сюда, ненадежный товарищ’ [Даль, т. III, с. 66], иркут. *надежда на кого-либо, как на веиний лед* ‘плоха надежда на кого-либо’ [СРНГ, т. 16, с. 318] и др. Такая методика сбора позволяет выявить только «костяк» лексики данной семантической группы, которая, разумеется, может быть значительно расширена, если установить и конкретизировать семантический объем понятий «надежность» и «ненадежность» на основе анализа значительных по объему контекстов, достаточных для распознавания ситуативной конъюнктуры и особенностей взаимодействия коммуникантов, однако одновременно это и непомерно расширило бы поле исследования за счет вовлечения пограничных семантических участков «Честь», «Долг», «Лицемерие», «Двуличие» и др. Способом интерпретации материала выступила известная ономасиологии методика экспликации мотивировочных признаков и их систематизации (см. [Березович и др., 2004]).

2. Образные репрезентанты надежности

Проанализируем в первую очередь номинативный материал, касающийся надежного человека.

(1) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ПОДДЕРЖКИ

Образ моста присутствует в пословице, содержащей сравнительный оборот со словом *надежнее*: *Добрый человек надежнее каменного моста* [Даль, т. II, с. 357]. В этом и всех прочих случаях для нас важен поиск мотива, положенного номинатором в основу образа. Как правило, объект сравнения имеет ряд свойств: мост соединяет что-то; мост может быть сделан из разных материалов и в зависимости от этого окажется маленьким и хлипким или крепким, прочным. В знаниях об этом объекте мы вычленим те представления, которые были релевантны для номинатора, выбирающего языковые средства для обозначения надежного человека, и отмечаем, исключаем те признаки избранного номинатором вещного образа, которые не соотносятся или мало соотносятся со свойствами номинируемого объекта.

Один из компонентов фразеологизма — слово *мост* — актуализирует здесь, разумеется, не мотив соединения (хотя стереотипно представление о том, что мост соединяет что-либо), а мотив прочности как способности выдержать большой вес, нагрузку, не разрушившись.

Другой компонент в структуре анализируемого фразеологизма указывает на материал, а именно — камень, отличающийся среди прочих материалов твердостью и, как следствие, опять же прочностью. Неслучайно, как пишет Комиссарова, «во все времена в разных культурах камни символизировали стабильность, надежность, бессмертие, нерушимость» [Комиссарова, 2012, с. 7].

Итак, в образе моста, притом не любого, а возведенного из камня, воплощается мотив прочности, крепости. Используемая метафора двухкомпонента, притом обе ее составляющие («мост» и «камень») «резонируют» в части их мотивационной базы, актуализируя один и тот же мотивировочный признак «прочность».

Образ горы. Образ мужского полового органа.

По той же схеме можно разобрать другие единицы и прийти к выводу о том, что номинатор, характеризуя надежного человека, выбирает образы предметов, отличающихся твердостью, мощью: жарг., угол., мол., неценз. *хуй железный* (одобр.) ‘надежный, безотказный человек’ [БСРПоговорок, с. 723], разг., экспр. *как на каменную гору (надеяться)* ‘вполне, целиком и полностью’ [Федоров, 1995, т. 1, с. 158];

Образ укорененного дерева реконструируется на основе слова *корень* в составе ворон. *самостоятельного корня кто-либо* ‘надежный, рассудительный, внушающий доверие, положительный (о человеке)’ [СРНГ, вып. 36, с. 104]. Вероятно, в основе лежит мотив неколебимости, крепости.

Итак, по минимальном удалении от предметных образов обнаруживаются частные мотивы — собственно мотивировочные признаки. Сходные мотивировки могут обнаруживаться у нескольких языковых фактов, имеющих весьма различную образную природу. Частные мотивировки можно объединить по сходству в сквозные мотивы, а на основании последних в свою очередь можно найти мотивационную доминанту, которая характеризует собственно объект номинации — в нашем случае надежного человека.

Так, сквозные мотивы прочности и неколебимой мощи можно интерпретировать как варианты реализации представления о том, что надежный человек способен служить опорой для других, однако поскольку и слово *опора* выступает метафорой, для формулирования мотивационной доминанты следует предпочесть другие способы выражения, например: мотивационная доминанта поддержки.

Заметим, что выявленные в процессе анализа фразеологии мотивы будут подтверждаться при обращении к однословным единицам семантической группы «Надежность». Вообще мотивационная доминантности к поддержке соприкасается с этимологом ключевого слова этой группы — *надежный*. По данным этимологических словарей, рус. *надежный* принадлежит гнезду праслав. **nadedjъnъ(jъ)* [ЭССЯ, вып. 21, с. 234], производного от субстантива **nadedja*, образованного сложением *na-* и редуцированной презентной основы **dedj-* глагола **dē(ja)ti* [Там же]. Глагол **nadēti / nadējati se* [ЭССЯ, вып. 22, с. 8] восходит далее к праслав. **dē(ja)ti*, продолжающему и.-е. **dhe-* в его основных значениях ‘ставить, класть’ — ‘делать’ [ЭССЯ, вып. 4, с. 229–230].

В этимологическом гнезде с глагольной вершиной **nadē(ja)ti* присутствуют одновременно отвлеченные значения (‘внушать надежду’, ‘упование, ожидание’ и др.) и предметно-операциональные смыслы (‘накладывать’, ‘насадить’, ‘наполнить, начинить’, ‘надеть, облечь’, ‘обуть’), а также «вещные» значения (‘одежда’, ‘червь, гусеница для наживы на удочку’). В частности, у континуантов основ **nadedja* и **nadēja*, кроме преобладающего абстрактного значения ‘надежда, упование, spes’, отмечается и более конкретное значение ‘одежда, то, что на-девается’ [ЭССЯ, вып. 21, с. 235]. В словарной статье, посвященной **nadējati se*, указано также: «Вторичность более абстрактного значения ‘надеяться, возлагать надежду’ хорошо видна на примерах сохраняющегося более конкретного значения ‘накладывать’» [ЭССЯ, вып. 21, с. 236].

Итак, этимологически для слова *надежный* восстанавливается мотив «класть; положить, деть», находящийся в полном соответствии с выражением *положиться на кого-либо*, которое обычно включается в состав дефиниции анализируемого слова (*надежного* часто определяют как ‘такого,

на которого можно положиться⁷). С учетом этих данных можно говорить о плеонастичности сочетания *возлагать надежды*, поскольку *надежда* — это и так «то, что кладется, возлагается (на-клад-ываемое, на-лож-енное)», поэтому компоненты словосочетания имеют структурно-семантическое сходство, дублируют друг друга.

Между мотивом «накладывать» (эксплицированным в ходе этимологического анализа слова *надеяться*, *надежный*) и мотивом «способный быть поддержкой, служить опорой» (выявленным в ходе анализа буквальной основы фразеологизмов) есть точка соприкосновения: «наложить» что-либо можно только на что-либо «прочное, твердое, мощное, устойчивое». Нам кажется возможным говорить о центральной для понятий «надежный», «надеяться» идее делегирования собственных задач и трудностей другому человеку, которая объективируется и в толковании соответствующих слов (*надежный* — ‘такой, на которого можно положиться’), и в мотивации языковых единиц («прочный, как мост из камня», «мощный и непоколебимый, как гора» и др.).

Образы: «мост из камня», «мужской половой орган <твердый, как железо>», «каменная гора», «дерево, стоящее на корню».

Частные мотивы: «выдерживающий большую нагрузку», «твердый», «непоколебимый, мощный», «крепко цепляющийся за землю (о корнях)».

Сквозные мотивы: «прочный, служащий опорой», «мощный, непоколебимый».

Мотивационная доминанта: «способный оказывать поддержку (о человеке)».

(2) Мотивационная доминанта защиты

Образ стены хорошо известен носителям русского языка по выражению *как за каменной стеной* (*быть, находиться и т. п.*) ‘под надежной защитой, имея надежную опору’ [СлРЯ, т. 4, с. 260]. Ср. также фольк. (плач невесты): *Ты моя надежда, стена каменна* (отец), *ты моя заступница, вековечная печальница* (мать) [Даль, т. IV, с. 359]. Исследователю может «привидеться» сходство с предшествующими образами каменного моста и каменной горы, однако в этом случае структура фразеологизма совершенно иная: тут использован топик расположения за некоторым объектом, в то время как ранее не велась речь об образах расположения за мостом или за горой. Стена — это символ защиты (надежный — «тот, кто способен защитить»). Ср. пск. *лежать не за кем* ‘об одиноком, беспомощном человеке, которому не на кого надеяться’ [СПП, с. 48], противоположное в структурно-семантическом смысле выражению *быть как за каменной стеной*.

Образ: «стена».

Частный мотив: «находиться за чем-либо».

Сквозной мотив: «служить защитой».

Мотивационная доминанта: «способный защитить (о человеке)».

(3) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Образ оружия. В выражении *неизменное копьё мое* 'надежный, верный человек' [Даль, т. II, с. 25] раскрывается другая — акциональная — сторона надёжности: надёжного человека язык репрезентирует как «боеспособную единицу», вооружённого воина, готового вступить в бой за кого-то (имеющего для этого силы, подготовку, средства), точнее — воплощение оружия.

Образ орудия появляется в идиоме *правая рука* 'первый и самый надёжный помощник' [СОВРЯ, с. 42]. Конечно, семантическим центром здесь выступает слово *помощник*, и именно поэтому возникает образ руки как орудия. Однако этим фразеологизмом именуют не любого помощника, а одного самого надёжного, поэтому компонент *правая* здесь чрезвычайно важен, именно он отчетливо соотносится с надёжностью, и эта референция указывает на инструментальность: правой рукой человек, как правило, совершает наибольшее число манипуляций. Ещё один семантический нюанс: надёжный человек представлен как один из актёров солидарной, совместной деятельности: он действует не вместо кого-то, а вместе с кем-то (с тем, кто надеется).

Образы: «копьё», «правая рука».

Частные мотивы: «используемый как оружие в бою», «являющийся орудием для осуществления разнообразных действий».

Сквозной мотив: «служащий средством осуществления деятельности».

Мотивационная доминанта: «способный выступить деятелем или соактором в какой-либо деятельности».

(4) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРУГУ СВОИХ

Образ человека, хорошо известного в какой-либо среде, социальной группе, реконструируется с разной степенью очевидности в следующих единицах: жарг., угол., прост. *свой в доску* (одобр.) 'надёжный человек из уголовной среды' [БСРПоговорок, с. 200], разг. *свой парень* (одобр.) 'человек с близкими кому-л. убеждениями, взглядами, настроениями; надёжный товарищ' [БСРПоговорок, с. 485], иркут.

твой бы и был 'о человеке, который произвел хорошее впечатление, но не оправдал надежд' (1907) (*Казалось, что твой бы и был*) [СРНГ, т. 43, с. 326]. Носитель языка выражает уверенность в надежности человека на основе признака принадлежности его и себя к одному кругу общения, или мотива репутационного знакомства.

Образ: «человек, принадлежащий определенной социальной группе».

Частный мотив: «свой», «твой».

Сквозной мотив: «свойскость, социальная близость».

Мотивационная доминанта: «принадлежность кругу своих».

3. Образные репрезентанты ненадежности

Представим далее обозначения ненадежного человека.

(1) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА НЕСПОСОБНОСТИ СЛУЖИТЬ ПОДДЕРЖКОЙ

Отчасти фразеологические обороты этой группы составляют «симметричную» оппозицию номинациям обозначений надежного человека.

Образ весеннего льда опредмечивает мотив непрочности: иркут. *надежда на кого-либо, как на веиний лед* 'плоха надежда на кого-либо' [СРНГ, т. 16, с. 318], так же, как самые плачевные последствия может иметь ненадежность человека, на которого кто-либо полагается.

Образ: «лед весной».

Частный мотив: «хрупкий, ломкий, подтаявший, непрочный (о льде)».

Сквозной мотив: «не способный выдержать нагрузку и служить опорой».

Мотивационная доминанта: «неспособный поддержать, помочь (о человеке)».

(2) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА НЕПОСТОЯНСТВА

Однако не все образы зеркально симметричны тем, которые обнаружили в обозначениях надежного. Образный ряд в лексике ненадежности по-своему уникален.

Образ ветра универсально в любой культуре символизирует движение и переменчивость, а эти смыслы служат благодатной почвой для: волгогр. *вей ветер* (неодобр.) 'о непостоянном, ненадежном человеке' [БСРПоговорок, с. 82], волгогр., шутол. *федула передула* 'о непостоянном, ненадежном человеке' [БСРПоговорок, с. 700], диал. *ветром подбитый* 'говор. о человеке: ветрогон, ветренный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый' [Даль, т. I, с. 343]; ср. однословную номинацию: *ветер* 'то же' [Там же];

Образ птицы, перелетающей с ветки на ветку, можно реконструировать в пск. *сегодня на один куст сядет, завтра на другой* (не-одобр.) ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРПоговорок, с. 346];

Образ человека, часто и беспорядочно меняющего занятия или решения, совершающего противоречивые поступки, нарисован в паремии (иноск.) *Самъ и зудь зудить, самъ и расчесъ расчесываетъ, и взманъ манить, и казнить велить* ‘о ненадежном человеке’ [Михельсон, 1912, с. 782].

Образ человека, взгляд которого обращен назад или вовне, воплощает мотив попятного движения, всегда оцениваемого негативно (так метафорически передается переменчивость в решениях), то есть мотив предательства, а также мотив опасности, поскольку «вон глядит» обычно, согласно русским поговоркам, волк, то есть дикий зверь, хищник из мира дикой природы, в традиционной культуре противопоставленной миру «людскому», чужак-одиночка: *он вон глядит* ‘ненадежен’ [Даль, т. I, с. 244], *он глядит вон, глядит в лес* ‘не прочен, не надежен на этом месте, хочет уйти’ [Даль, т. I, с. 369], народн. *финтйт, вертйт, не туда глядит* ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРПоговорок, с. 674], *вы вьюны да оглядчики* стар. ‘изворотливы, ненадежны’ [Даль, т. I, с. 337] (здесь *оглядчик, оглядчица* ‘кто оглядывает что, или оглядывается’, ср. *оглядливый* ‘человек, осторожный’; *оглядчивый* ‘у кого привычка часто оглядываться назад’ [Даль, т. II, с. 589]; глагол *оглядываться* тоже передает семантику движения, направленного назад, то есть перемены движения на обратное, а также рисует образ человека, который страшится быть разоблаченным в чем-либо, и страх этот свидетельствует о виновности).

Образ движения по кривой, кручения, верчения (он по сути совпадает с мотивом) воссоздается в народн. *финтйт, вертйт, не туда глядит* ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРПоговорок, с. 674], *вы вьюны да оглядчики* стар. ‘изворотливы, ненадежны’ [Даль, т. I, с. 337] (где *вьюн* — ‘ловкий, расторопный человек; пролаз, льстивый угонник’ [Там же]), новосиб. *как береста на огне (крутится)* ‘о непостоянном, ненадежном и нечестном человеке’ (*Крутель, путальник* — человек крутится, как береста на огне, и с бабами, и где можно обмануть человека) [ФСРГС, с. 11]. Нельзя не сказать, что этот мотив воплощается в многочисленных лексических единицах: арх.(?) *вертѣжнѣй* ‘легкомысленный, ненадежный’ [СРНГ, т. 4, с. 150], олон. *вертѣло* ‘непостоянный, ненадежный человек’ [СРНГ, т. 4, с. 153], влад. *вертляный* ‘непостоянный, ненадежный (о человеке)’ [СРНГ, т. 4, с. 154], перм. *вертословый* ‘не умеющий держать данное слово; лживый, ненадежный’ [СРНГ, т. 4, с. 154], урал. *вертун* ‘не-

надежный человек, обманщик' [СРНГ, т. 4, с. 155], арх., олон. *вертячий* 'ненадежный, лживый' (*Вертячий мужик. Вертячая баба*) [СРНГ, т. 4, с. 157], арх. *вертячливый* 'ненадежный, плутоватый' [СРНГ, т. 4, с. 158], диал. (б/у места) *вихлюша* 'шатает на ходу, ненадежный, изменчивый в мыслях, в слове (человек)' [СРНГ, т. 4, с. 304], пск. *вихляватый* 'ненадежный; такой, на которого опасно положиться' [СРНГ, т. 4, с. 304] и др.

Образы: ветер; птица, перелетающая с куста на куст; человек, совершающий множество действий — нелогичных, противоречивых; взгляд, обращенный в сторону или назад; верчение.

Частные мотивы: «стремительно движущийся, меняющий направление (о ветре)»; «многократно меняющий местоположение, перелетающий с ветки на ветку (о птице)»; «противоречивый в многообразии (о поступках)»; «обращенный назад (о взгляде)»; «движущийся по кривой».

Сквозной мотив: «переменчивый».

Мотивационная доминанта: «непостоянство (человека)».

(3) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ДВОЙСТВЕННОСТИ

Образ плаща, накидки становится метафорическим выразителем смысла 'ненадежный' потому, что этот предмет одежды накидывается на плечи и генерализуется значение парности (два плеча, две свободно свисающие полы накидки): эта епанча на оба плеча 'человек непостоянный (ненадежный товарищ)' [Михельсон, 1912, с. 618].

Образ перекидываемого через плечо мешка вовлекается в процесс номинации потому, что эта вещь состоит из двух частей, которые можно, набрасывая на плечо, менять местами: *переметная сума* 'о человеке, непостоянный, кидаящийся туда и сюда, ненадежный товарищ' [Даль, т. III, с. 66], *перемётная сума* 'человек непостоянный (ненадежный товарищ)' [Михельсон, 1912, с. 618]. Ср.: мотив «и тот, и другой», сходный с идеей перекидывания сумы «туда и сюда», лежит в основе однословной единицы: перм., арх., вят., север. *всяковатый* 'всякий (то хороший, то плохой); «чаще в смысле нехороший, ненадежный»' (север. *С правдой, дружок, вашей вы тоже всяковаты бываете*) [СРНГ, т. 5, с. 223].

Образы: «епанча», «переметная сума».

Частные мотивы: «накидываемый на оба плеча — туда и сюда (о епанче), «перекидываемый туда и сюда (о наплечном мешке)».

Сквозные мотивы: «парный, двойной».

Мотивационная доминанта: «двойственность, двуличие (о человеке)».

(4) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА НЕГОДНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Образ отказа вместе идти в разведку отчасти пересекается с метафорой «надежный человек — оружие», но общность заключается только в предметно-тематической сфере (хотя это показательно, поскольку надежность проверяется в сражении и нужна для ведения совместных боевых действий), а с точки зрения мотивировки здесь базой является идея негодности для сотрудничества, невозможности осуществлять с кем-либо совместную деятельность через посредничество смысла «способный предать»»: разг. *в разведку не пойдешь / не пошел бы* (неодобр.) ‘о ненадежном человеке’ [БСРПоговорок, с. 554].

Образ продажи заключает в себе все тот же мотив предательства: народн. *в душу влезет, а за грош продаст* (неодобр.) ‘о ненадежном, двуличном человеке, подхалиме’ [БСРПоговорок, с. 216], прост. *продаст родную мать за грош* (неодобр.) ‘о ненадежном, эгоистичном человеке’ [БСРПоговорок, с. 391].

Образ замутненности, непрозрачности является своего рода зеркальным отражением метафоры «надежный — свой» на основе оппозиции «известный, свой (надежный) — неизвестный, непонятно какой, неопределенный (ненадежный)»: жарг. *мутный кекс* (неодобр.) ‘непорядочный, ненадежный человек’ (*И что наша Катька с таким мутным кексом связалась?*) [Никитина, 2003, с. 246], тобол. *баламутный* ‘неверный, ненадежный’ [СРНГ, т. 2, с. 72].

Образы: «разведка на войне», «продажа», «мутная жидкость».

Частные мотивы: «отказ от ведения совместных боевых действий», «продающий», «непрозрачный».

Сквозные мотивы: «способный предать», «неопределенный».

Мотивационная доминанта: «негодный для сотрудничества».

(5) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ПРАВСТВЕННОГО ПОРОКА

Образ недуга, болезни реконструируется в просторечно-разговорных и жаргонных единицах: жарг. мол. *провести вакцинацию* ‘проверить кого-либо на надежность’ [БСРПоговорок, с. 70], разг., шутил.-ирон. *проверять на вшивость* (неодобр.) ‘испытывать кого-либо на честность, порядочность, надежность’ [БСРПоговорок, с. 108].

Образы: «вакцинация», «вши (педикулез)».

Частные мотивы: «провести профилактику болезни», «выявить заболевание».

Сквозной мотив: «отклонение от нормы».

Мотивационная доминанта: «нравственный порок».

4. Заключение

Проводя исследование, мы исходили из того, что представления о надежности обусловили выбор образов носителем языка. Соответственно, анализ языкового материала позволяет нам шагать в обратном направлении, то есть провести (1) регистрацию ассортимента образов, характерных для языковых единиц одной семантической группы; (2) реконструкцию мотивационных признаков; (3) экспликацию семантических составляющих понятия «надежный (человек)» на основе анализа мотивации слов или выражений.

Можно говорить о частных, сквозных мотивах и о мотивационных доминантах.

Частный мотив. Наибольшей конкретностью отличается частный мотив, характеризуемый различной степенью детализации, поскольку он представляет собой мотивационный признак, положенный в основу одного языкового факта либо общий для целого ряда слов. В данном случае речь идет о мотивировочных признаках, релевантных при создании и употреблении языкового знака. Формулировки для обозначения этих мотивационных признаков обычно таковы, что их скорее можно приложить к названию эталона сравнения, но не к обозначению объекта номинации — в данном случае человека (ср. *прочный каменный мост*, но не **прочный человек*). Один и тот же частный мотив может выявляться в нескольких языковых фактах.

Сквозной мотив. Частные мотивы, характеризующиеся смысловой близостью, можно объединить в сквозной мотив, стоящий на второй ступени иерархии мотивов, обладающий большей степенью отвлеченности от образа и потому нередко актуальный для элементов из нескольких различных предметно-тематических сфер (то есть для разных вещных образов). В таком случае можно говорить, например, о том, что частные мотивы прочности (камня, моста) и неколебимости (горы) объединены общим для них сквозным мотивом опоры. Сквозной мотив интересен своим интерпретативным характером, поскольку это «экстракт смысла», один генерализованный признак, на основании которого осуществляется перенос, смысл-посредник, «вытяжка», весьма условная и для вещного образа, выбранного номинатором, и для объекта номинации, то есть он одинаково отстоит (находится на одинаковом удалении) от них, поэтому его обозначение максимально упрощено, формулировка содержит указание на один признак.

Мотивационная доминанта. Далее можно вычленять мотивы еще более высокой степени абстрагирования от эталона сравнения и более точного приближения к представлениям о свойствах объекта номинации. Иначе говоря, множество сквозных мотивов сводимо к сравнительно не-

большому числу мотивационных доминант — единиц высшей степени абстракции, составляющих концептуальный каркас лексико-семантического поля или группы языковых единиц и потому нередко смыкающихся со смыслами (значениями, коннотациями), выявляемыми при анализе семантики. В части формулировки мотивы этого уровня максимально привязаны к свойствам объекта номинации, то есть утрачивают отвлеченность сквозных мотивов, хотя мотивационная доминанта может совпадать со сквозным мотивом, если он в силу своей интерпретационной природы обладает универсальностью формулировки и годится для характеристики одновременно объекта и субъекта сравнения (если полагать, что сравнение как ментальный акт лежит в основе метафоры).

Так, надежный человек, это «тот, на кого накладывают, возлагают что-либо» (мотивационная доминанта делегирования собственных трудностей другому человеку); это «другой, на которого опираются» (сквозной мотив опоры); и он «выдерживает груз, проявляя качества прочности и неколебимости» (частные мотивы прочности, твердости, устойчивости). Мотивационная доминанта, как можно заметить, может смыкаться с семантикой слова, отраженной в дефиниции.

В этой логике мы производили препарирование материала.

Резюмируем проведенную реконструкцию мотивационных доминант, представив портреты-метаописания, составленные на основе мотивационного анализа исключительно фразеологического материала:

надежный — это тот, кто готов оказать поддержку другому (кому можно делегировать чужие трудности); кто способен защитить; кто способен действовать для другого; кто принадлежит кругу своих;

ненадежный — это тот, кто не может оказать поддержку другому; кто переменчив, непостоянен; кто не годится для совместной деятельности; кто двуличен; кто имеет нравственный порок.

Как нам кажется, выявленные мотивационные доминанты в данном случае объективируют то содержание понятий «надежный» и «ненадежный», которое скрыто за дефиниционной семантикой ‘тот, на кого можно положиться’, поскольку мотивы самой значительной степени отвлеченности от образного каркаса языкового знака максимально сближаются с толкованием слова.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : Т. I : Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 568 с.
2. Березович Е. Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры : семантика и грамматика :

к 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого. — Москва : Индрик, 2004. — С. 368—384.

3. БСРПоговорок — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1981—1982. — Т. I—IV. — (Репринт с изд.: Москва, 1880—1882).

5. *Комиссарова А. А.* «Только камни нам дал чародей...» : символ камня в «Петербург» И. Ф. Анненского / А. А. Комиссарова // Русская речь. — 2012. — № 1. — С. 7—11.

6. Михельсон, 1912. — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь : свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний (посмертное издание) / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1912. — 1161 с. (Репринтное издание).

7. СЛРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1981—1984. — Т. I—IV.

8. СОВРЯ — *Словарь* образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. — Москва : Отечество, 1995. — 368 с.

9. СПП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 176 с.

10. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2017. — Вып. 1—50.

11. Федоров, 1995 — *Фразеологический словарь* русского литературного языка : в 2 томах / сост. А.И. Федоров. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — Т. 1 : А—М. — 391 с. — Т. 2 : Н—Я. — 396 с.

12. ФСРГС — *Фразеологический словарь* русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 232 с.

13. ЭССЯ — *Этимологический словарь* славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1974—2009. — Вып. 1—35.

Imagery Representatives of Reliability and Unreliability in Russian Phraseology¹

© **Leontyeva Tatyana Valeryevna (2018)**, orcid.org/0000-0002-7213-1582, Doctor of Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), leotany@mail.ru.

The phraseological units characterizing a reliable and unreliable person are analyzed. The material was selected by the criterion of the presence in the definition or in the con-

1 The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-1802075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

text of the environment of words *reliable* or *unreliable* and related words. The technique of revealing the motivational attributes of different levels is presented according to the criterion of various degrees of abstractness from the figurative embodiment: private motives, cross-cutting motives and motivational dominants. On the basis of the motivational analysis of the phraseological material portraits-meta-descriptions are composed, which include cross-cutting motives: reliable - this is someone who can delegate other people's difficulties; who is able to protect; who is able to act for another; who belongs to his circle; unreliable — this is someone who cannot delegate other people's difficulties; who is changeable; who is incapable of acting for the other (cooperate); who is double-natured (double-faced); who cannot protect; who betrays. The author believes that words *reliable* and *unreliable* can be regarded as interpretative in the sense in which Yu. D. Apresyan interprets verbs *to harm*, *to sin*, *to abuse*, *to punish*, *to whitewash*, *to support*, etc. The idea is that the revealed cross-cutting motives in this case objectify the content of the concepts "reliable" and "unreliable", which is hidden behind the definitional semantics "one who you can rely on".

Key words: semantics; ethnolinguistics; onomasiological analysis; motivational attributes; private motive; cross-cutting motive; motivational dominant; reliable; unreliable.

References

- Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii: I: Paradigmatika*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Leontyeva, T. V. (2004). Yazykovoy obraz duraka: etnolingvisticheskiy aspect. In: *Yazyk kultury: semantika i grammatika: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N. I. Tolstogo*. Moskva: Indrik. 368—384. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1981—1982). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. I—IV. (In Russ.).
- Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). (1981—1984). *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.). I—4. (In Russ.).
- Komissarova, A. A. (2012). «Tol'ko kamni nam dal charodey...»: simbol kamnya v «Peterburge» I. F. Annenskogo. *Russkaya rech*, 1: 7—11. (In Russ.).
- Mikhelson, M. I. (1912). *Russkaya mysl' i rech: svoyo i chuzhoje: opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy (posmertnoye izdaniye)*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (Reprintnoye izdaniye). (In Russ.).
- Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2001). *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Bolshoy slovar' russkikh pogovorok*. Moskva: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* (1965—2017). Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg: Nauka. I—50. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (ed.). (1995). *Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka*. Moskva: Otechestvo. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. (ed.). (1974—2009). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Moskva: Nauka. I—35. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (ed.). (1983). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (ed.). (1995). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatelskaya firma RAN. I—2. (In Russ.).